

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 136–154.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2025. Vol. 27, no. 2. P. 136–154.

Научная статья

УДК 327.5(5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-2/136-154>

AUKUS – новый актер безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: причины и предпосылки появления альянса

Татьяна Сергеевна Чернева

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ tatyana.cherneva6@yandex.ru

Аннотация. В данной статье проведена системная оценка общих и частных интересов и целей стран-участниц стратегического партнёрства AUKUS для выявления конкретных причин и предпосылок, определяющих необходимость создания данного альянса в системе международной безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. Сделан вывод о том, что стратегическое партнёрство AUKUS представляется как модернизированная и более практически ориентированная модель альянса, необходимая для реализации военно-блоковой политики США и их союзников в регионе на современном этапе. Концепция AUKUS, которая в настоящее время включает программу атомных подводных лодок и развитие ряда наукоёмких направлений сотрудничества в оборонной сфере участников альянса, определяет решающее значение для участников в доктрине нового оборонного союза, который призван не только обеспечить военное присутствие США и Великобритании в регионе на несколько десятилетий вперед, но и качественно улучшить показатели геополитической выгоды стран, а также снизить экономические и военно-политические издержки в условиях конфронтационной стагнации между США и их союзниками и Китаем.

Ключевые слова: США, Австралия, Великобритания, Китай, военно-политический альянс, международная безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Чернева Т.С. AUKUS – новый актер безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: причины и предпосылки появления альянса // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 136–154.

Original article

AUKUS – a new security actor in the Asia-Pacific region: reasons and prerequisites for the emergence of the alliance

Tatyana S. Cherneva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ tatyana.cherneva6@yandex.ru

Abstract. This article provides a systematic assessment of the general and specific interests and goals of the countries participating in the AUKUS strategic partnership to identify specific reasons and prerequisites that determine the need to create this alliance in the international security system of the Asia-Pacific region. It is concluded that the AUKUS strategic partnership is presented as a modernized and more practically oriented model of the alliance necessary for the implementation of the military-bloc policy of the United States and its allies in the region at the present stage. The AUKUS concept, which currently includes a nuclear submarine program and the development of a number of science-intensive areas of cooperation in the defense sphere of the alliance members, determines the decisive importance for the participants in the doctrine of a new defense alliance, which is designed not only to ensure the military presence of the United States and Great Britain in the region for several decades to come, but also to qualitatively improve the indicators of geopolitical benefit of the countries, as well as reduce economic and military-political costs in the context of confrontational stagnation between the United States and their allies and China.

Keywords: USA, Australia, Great Britain, China, military and political alliance, international security, Asia-Pacific region

For citation: Cherneva T.S. AUKUS – a new security actor in the Asia-Pacific region: reasons and prerequisites for the emergence of the alliance. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2025, vol. 27, no. 2, pp. 136–154. (In Russ.).

Введение

15 сентября 2021 года в рамках совместной пресс-конференции лидеров США, Великобритании и Австралии было объявлено о создании расширенного трёхстороннего партнёрства по безопасности – AUKUS. По официальным заявлениям сторон, целью данного альянса является «укрепление стабильности и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе на долгосрочный период» [1, с. 1].

Общие положения соглашения о партнёрстве декларируют углубление сотрудничества по вопросам безопасности и обороны путём интеграции науки, технологий,

промышленных баз и цепочек поставок, связанных с безопасностью и обороной, а также повышение совместных возможностей и оперативной совместимости, которые будут сосредоточены на кибервозможностях, искусственном интеллекте, квантовых технологиях и дополнительных подводных возможностях стран-участниц.

Первоочередной задачей новообразованного партнёрства для достижения поставленных целей стало оснащение военно-морского флота Австралии атомными подводными лодками. В соответствии с опубликованным планом, уже в начале 2030-х годов следует оснащение ВМС Австралии АПЛ американского типа «Вирджиния», а в начале 2040-х годов – разработка собственной австралийской АПЛ “SSN – AUKUS” [2].

Таким образом, Австралия станет седьмой страной в мире, обладающей атомным подводным флотом. Это напрямую коррелирует с общей динамикой внешнеполитического развития Азиатско-Тихоокеанского региона. В совокупности в географических пределах АТР сосредоточено шесть ядерных держав [3] и государств с мощнейшими армиями [4]. А общее количество стран-лидеров в области расходов на оборону и крупнейших импортёров вооружения превышает общемировые показатели [5].

Актуальность проводимого исследования обусловлена, прежде всего, динамично развивающимся уровнем военной и внешнеполитической конкуренции мировых держав, сосредоточенных в рамках данного региона. Это повышает общий уровень конфликтогенности и снижает показатели международной безопасности как в пределах регионального пространства АТР, так и на общемировом уровне.

Трансфигурация внешнеполитического ориентирования США в сторону азиатского региона была задекларирована ещё администрацией Барака Обамы в 2011 году [6].

В начале 2010-х официальный дискурс Вашингтона определил Азию как место, «где будет определено будущее мировой политики» [7, с. 1]. Таким образом, азиатский регион становится эпицентром мировых изменений, трансформирующих модели международного взаимодействия [8].

От динамики взаимоотношений стран в рамках АТР, как нового мирового центра, зависит мировая повестка в вопросах международной безопасности [9; 10].

В связи с этим новый военно-политический альянс, образованный на основе военно-технологического сотрудничества трёх англосаксонских держав, создаёт серьёзные тенденции в меняющейся архитектуре системы международной безопасности на общемировом уровне.

Исходя из этого, возникает необходимость в определении конкретных причин и предпосылок для создания военно-политического альянса формата AUKUS.

Важно выявить и проанализировать мотивацию стран-участниц альянса к созданию стратегического партнёрства с его военно-технологической компонентой в азиатском регионе.

Тема проводимого исследования довольно новая в силу фактора создания стратегического партнёрства (2021), но уже имеет довольно объёмный прецедент в исследовании проблематики как в отечественной, но в большей степени в зарубежной политической науке.

Основные компоненты системы

«Стратегическое соперничество» между Вашингтоном и Пекином с начала XXI века выявило ряд военно-политических и экономических факторов, определяющих потребность США в пересмотре практического компонента политики, обеспечивающей гегемонию Соединённых Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе [11].

Интерес в создании нового стратегического партнёрства AUKUS мотивирован более практически ориентированным подходом США в обеспечении собственной доминанты в АТР и эволюционной потребностью в преобразовании имеющейся системы союзов в регионе путём качественного перераспределения и повышения эффективности использования имеющихся ресурсов для увеличения «геополитической прибыли» и устойчивости влияния американских сил в АТР.

В результате переоценки наиболее выгодных из всех возможных альтернативных издержек¹ [12], в рамках гегемонистской политики США в начале 2010-х годов администрация Б. Обамы реорганизовала систему, обеспечивающую международное влияние Вашингтона, смещая полюс внимания к азиатскому региону, таким образом определив наибольшую «политическую прибыль» для Соединённых Штатов из условий интеграции и утверждения доминанты в бурно растущем и в развивающемся регионе – АТР.

С начала 1990-х годов военно-блоковая политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, организованная на основе Сан-Францисской модели, создала серьёзные стратегические риски для Вашингтона в силу ослабления вовлечённости США и их союзников в региональную политическую структуру. В результате это повлекло, согласно распространённому мнению профильных специалистов, ряд «геополитических издержек», которые проиллюстрировали слабость американских гарантий безопасности, на фоне постоянно усиливающегося влияния Китая в регионе, а также повсеместного изменения общего ландшафта архитектуры безопасности в АТР с начала 2000-х [13; 14; 15].

¹Альтернативные издержки (издержки упущенной выгоды или издержки альтернативных возможностей) – это упущенная выгода в результате выбора одного из альтернативных вариантов использования ресурсов и, как следствие, отказ от других возможностей.

В рамках «перестройки» существующей системы, обеспечивающей влияние США в регионе, главной задачей для обновлённого подхода Вашингтона стала реорганизация партнёрских отношений с такими странами, как Южная Корея, Япония, Филиппины, Австралия, Сингапур, Индонезия, Малайзия и Таиланд, путём создания новой структуры союзов, которая бы обеспечила снижение экономических затрат, военно-технологических издержек, а также повысила «геополитическую прибыль» Соединённых Штатов в условиях постоянно усиливающегося соперничества между Вашингтоном и Пекином на фоне военного и экономического усиления КНР [16; 17; 18; 19].

Для снижения постоянных и переменных военных и политических издержек и повышения эффективности системы альянсов США качественно перестроили подход в реализации политики союзничества. В рамках проводимой модернизации Соединённые Штаты пытаются не столько количественно расширить систему союзов, сколько перестроить модель из строгой двусторонней вертикали по принципу «оси и спиц» в более гибкую, горизонтальную систему [20; 21; 22] с вовлечением новых и уже внерегиональных игроков, способных стать надёжными «поставщиками» необходимых дипломатических, экономических и военно-технологических ресурсов. Более того, обновлённый подход американской политики также включает реорганизацию партнёрских отношений с «традиционными» – региональными союзниками (экономически и политически стабильными государствами – напр., Австралия) для нивелирования стратегических издержек и обеспечения, таким образом, постоянного и беспрепятственного присутствия во внутрирегиональном пространстве в целях реализации контроля без рисков для военно-политического «имиджа» Вашингтона.

Доминирующей константой, призванной *обеспечить реальный вес* в новой военно-политической системе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для США является технологический компонент альянса AUKUS. Эквивалентно перераспределяя необходимые ресурсы, в большей степени между «младшими» участниками альянса, и, более того, обогащая военно-технологический потенциал американских вооружённых сил за счёт высокотехнологичных возможностей реальных и потенциальных союзников в рамках нового стратегического объединения, Вашингтон может улучшить не только положение в АТР, но и качественно улучшить личный оборонный и наступательный потенциал.

Влияние военно-технологической константы, обуславливающей осцилляцию баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, посредством нового военно-политического союза AUKUS качественно увеличивает маневренность и геополитические возможности для Вашингтона, снижая при этом реальные технологические риски и издержки, а также повышает возможности собственного военно-технологического развития.

Почему «новый» подход AUKUS? Интересы и цели сторон

США

Как уже упоминалось ранее, позиция Соединённых Штатов Америки относительно соглашения AUKUS определена рядом военных, технологических и экономических факторов активно развивающегося в регионе Китая. Именно КНР оценивается Вашингтоном как сила, способная вытеснить США с позиции лидера как в рамках регионального пространства АТР, так и на общемировом уровне [23].

Ключевой проблемой для США в вопросе обеспечения своей гегемонии в АТР являются «личные издержки» (военно-политического и экономического характера), понесённые в результате переноса американских внешнеполитических интересов на ближневосточный регион в начале 2000-х. Эти внешнеполитические издержки определили потерю контроля и положения Вашингтона в наиболее стратегически важном Азиатско-Тихоокеанском регионе на уже современном этапе.

Прежде всего это касается модернизации НОАК. Данный компонент китайской реформы, положительно коррелирующий с общим увеличением доли финансирования вооружённых сил КНР, не только качественно и количественно улучшает показатели боеспособности армии Китая, но и определяет ослабление позиций Соединённых Штатов в вопросе гарантий безопасности в отношении многих региональных союзников Белого дома в рамках имеющихся оборонных соглашений. И, конечно, главным образом – Тайвань. В этой связи наибольшее значение имеет и динамичная милитаризация спорных территорий архипелагов и отдельных «островов» в Южно-Китайском море [12], которая создаёт ещё один прецедент для ущерба внешнеполитическому «имиджу» США в регионе и предопределяет региональную доминанту в лице КНР.

Кроме того, общее ослабление влияния в совокупности со статичной конфронтацией между Вашингтоном и Пхеньяном в рамках северокорейской ядерной программы также снижает показатели эффективности американской модели. Ядерная деятельность КНДР качественно повышает военно-экономические и политические издержки США в рамках гарантий безопасности своим региональным союзникам. Прежде всего, это касается уже таких региональных партнёров, как Южная Корея и Япония.

В 2017 году в Стратегии национальной безопасности США впервые концептуально определили Китай как силу, которая бросает вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаясь подорвать американскую безопасность и процветание [24], что завершило переориентирование стратегического планирования Вашингтона, а также официально задекларировало позицию Соединённых Штатов об «азиатском лидере» как об одном из важнейших факторов формирования внешней политики в вопросе обеспечения своих национальных интересов и международной безопасности.

В этой связи стратегическое партнёрство AUKUS для США – это не просто инструмент для консолидации регионального влияния в АТР [25], а способ обеспечения «геополитической прибыли» и в общемировом пространстве. Прежде всего, посредством ограничения и обеспечения контроля за военно-политической деятельностью Пекина в регионе и за его пределами.

Для США AUKUS – это наиболее выгодный и «низкозатратный» способ обеспечения прочного форпоста инфраструктурно развитых военных баз, который будет создан австралийской стороной, для осуществления постоянного базирования и более свободного маневрирования ВМС США (прежде всего атомный флот) в акваториях Тихого и Индийского океанов¹. Это гарантирует высокий уровень контроля² за растущими «возможностями» военно-морских сил КНР в ЮКМ и за его пределами [26]. Снижая, таким образом, экономическую и военно-технологическую нагрузку на Вашингтон.

Также важнейшими качественными и количественными показателями к мотивации США в разработке инициативы AUKUS стали следующие положения, определившие ядро геополитического и военно-технологического интереса для Вашингтона, в рамках концепции более «эффективного инвестирования» в региональную систему безопасности: это исключительное технологическое превосходство Пекина [27], которое обеспечивает быстрый рост военной мощи КНР и развёртывание новых систем вооружений; а также количественные показатели соотношения военно-морских сил КНР и США³ [28].

В настоящее время текущая технологическая гонка, существующая между США и КНР, уже закрепила лидирующую позицию за Пекином, определяя ключевыми оборонные и космические технологии [27].

Это напрямую определяет повестку AUKUS в важнейшем стратегическом планировании, которое касается технологического компонента (искусственного интеллекта, кибернетических, квантовых и подводных технологий), помимо подводных лодок. Этот элемент предназначен для изменения военного баланса уже в 2020-х и

¹ С 2023 по 2026 год американские и британские АПЛ планируют совершать более длительные и частые визиты в Австралию. Эти расширенные визиты заложат основу для ротационного присутствия британских и американских АПЛ в Западной Австралии уже с 2027 года в рамках инициативы “Submarine Rotational Force-West (SRF-West)”.

² В совокупности с уже имеющимся стратегическим преимуществом в рамках американо-австралийского союза за счёт военного центра “Pine Gap”, главной задачей которого является обеспечение безопасности континентальной части США.

³ В соответствии с данными отчёта Министерства обороны США за 2020 год, судостроение КНР имеет самый большой военно-морской флот в мире с общей боевой силой около 350 кораблей и подводных лодок. Для сравнения: боевая сила ВМС США на начало 2020 года составляет примерно 293 корабля.

2030-х годах [29] за счёт делегирования необходимых ресурсных затрат для обеспечения американского влияния на более экономически и технологически развитых и политически устойчивых, «традиционных» партнёров, способных гарантировать Вашингтону его региональную доминанту и обеспечить большую манёвренность в политическом контуре взаимоотношений с КНР.

Австралия

Австралия также выступает одной из наиболее заинтересованных сторон в рамках нового партнёрства. Единогласие с позицией Вашингтона в отношении КНР, а также официальное определение внешнеполитического вектора государства на противодействие растущему влиянию Пекина закрепили новый курс Австралийского союза в контексте создания альянса в противовес источнику «угрозы» в регионе [30].

«Ухудшающаяся стратегическая обстановка» [31] в региональном кольце Австралии, которая была описана в обновлённом изложении Национальной стратегии обороны ещё в июле 2020 года, концептуально утвердила нацеленность государства на фортификацию военного потенциала путём увеличения наступательной мощи австралийских вооружённых сил для повышения собственной военно-политической выгоды в вопросе обеспечения национальн¹ой безопасности.

Основными причинами для вступления в оборонный союз для Австралии стали также военно-политические и экономические интересы, исходящие из динамично ухудшающейся политической ситуации в рамках австралийско-китайских отношений, а также негативного опыта возмещения прямого торгово-экономического ущерба в результате усиления конфронтации между Канберрой и Пекином с начала 2018 года.

Ключевыми интересами для Австралийского союза в рамках нового стратегического партнёрства стали: 1) повышение стратегической прибыли в рамках военно-технологического сотрудничества с США и Великобританией [32] посредством приобретения и развития новых «прикладных» технологий атомного подводного судостроения, а также высокотехнологичного компонента партнёрства AUKUS; 2) снижение издержек от доминирующего влияния Китая на экономическую и, как следствие, политическую сферы, которое обусловлено общей долей китайского капитала в экономике Австралии, высоким процентом торгового товарооборота и экспортной зависимостью страны [33]; 3) консолидация положения для снижения альтернативных издержек в рамках взаимоотношений со странами субрегиона «внутреннего кольца» (Южно-Тихоокеанский регион), которые возникли после значительного усиления влияния КНР¹ за счёт развития капитала и миграции человеческого ресурса в страны данного региона [34].

¹По данным на 2018 год, Китай стал крупнейшим международным актором (после Австралии) по вопросам экономической поддержки стран региона (главным образом, Папуа - Новая Гвинея, Вануату, Фиджи, Самоа и Микронезия).

Отрицательная динамика австралийско-китайских отношений, которая начала развиваться ещё с 2008 года и достигла своего пика к 2018 году, продолжила ухудшаться и на фоне пандемии 2020 года. Международная критика Канберры в отношении КНР по вопросам вмешательства Пекина во внутреннюю политику страны, а также торговые санкции со стороны Китая на экспортируемые Австралией товары и последующий виток претензий между странами в контексте ответственности КНР уже в проблеме пандемии COVID-19 [35] способствовали динамичному переориентированию интересов Австралии, после многолетнего политико-экономического лавирования Канберры между противоборствующими полюсами, в сторону «традиционного» партнёра – США.

В совокупности факторов все эти следствия конфронтации между Австралией и Китаем выявили для Австралийского союза серьёзные торгово-экономические и военно-политические издержки, для «упрощения» и нивелирования которых Канберра инициировала присоединение в рамках нового военно-политического партнёрства к более сильным и влиятельным союзникам, что также определило для южнотихоокеанского государства новый вектор внешнеполитического развития, отходя от многолетней эпохи балансирования между США и КНР.

Великобритания

Ресурсы Соединённого Королевства ограничены и значительно сдерживают внешнеполитические интересы Лондона. Особенно это стало ощутимо после завершения процедуры Brexit в 2020 году. Выход Великобритании из Европейского союза повлёк серьёзные издержки для государства, которые обусловили острую необходимость в поиске и выстраивании новых путей для реализации своего торгово-экономического и политического потенциала [36; 37].

Комплексная стратегия по вопросам обороны, дипломатии и международного развития – «Глобальная Британия», опубликованная в марте 2021 года, утвердила ряд важнейших направлений для развития «нового» пути Королевства, закрепляя особое стратегическое значение за Азиатско-Тихоокеанским регионом [38].

Данный документ определил не только переориентацию внешнеполитического курса Великобритании на Азию, но и задекларировал стремление к восстановлению британской «доминанты» в регионе, сепарируя, таким образом, стратегические интересы Лондона от бывших партнёров в ЕС [39; 40], а также обусловил новую интеграционную платформу в пределах АТР, способную обеспечить необходимую «прибыль» для снижения издержек политики выхода Королевства из союза. Подтверждает это и активная торгово-экономическая интеграция Лондона в регионе в рамках присоединения Великобритании к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПТТП) в 2023 году [41].

AUKUS выступает практическим инструментом для Соединённого Королевства

не только в вопросе реализации новой внешнеполитической концепции, но и позволяет: 1) сократить разрыв реальных возможностей (военно-политических и экономических ресурсов) и своих стратегических целей¹; 2) реконструировать отношения с Австралией, обеспечивая конкретные военно-экономические выгоды: повысить общую военную совместимость и оперативность «королевских» флотов; укрепить торгово-экономические связи и технологическое кооперирование между странами²; 3) обеспечить включение в региональную систему безопасности и консолидировать присутствие британского флота на периферии Индийского и Тихого океанов [42, 43]; 4) качественно улучшить научно-технический потенциал путём углубления военно-технологического сотрудничества с США в рамках AUKUS³ [44].

Готовность к активному участию и интеграции Лондона в рамках AUKUS также подтверждают и официальные заявления премьер-министра Великобритании (2022–2024), согласно которым Соединённое Королевство планирует увеличить расходы на оборону до 2,5% от валового внутреннего продукта в долгосрочной перспективе (главным образом включая модернизацию британской программы атомных подводных лодок и финансирование «следующей фазы» AUKUS) [45]. С этой целью расходы на оборону будут пересмотрены в 2025 году.

Стратегическое партнёрство AUKUS для Великобритании – это прежде всего практический инструмент для более эффективного построения новой системы внешнеполитических и внешнеэкономических связей, которые особенно важны для Лондона после завершения Brexit. Также AUKUS выступает необходимым плацдармом для полномасштабного интегрирования Соединённого Королевства в стратегически важный Азиатско-Тихоокеанский регион для реализации собственных внешнеполитических амбиций, укрепления военно-политической статуры (как одного из ведущих мировых игроков) и, как следствие, извлечения таким образом геополитических и экономических выгод.

¹ Путём интеграции в рамках AUKUS в систему АТР Великобритания утверждает статус глобального игрока, не ограничивающего свои интересы исключительно «европейским пространством» (главным образом интересы ЕС в регионе).

² Совместная разработка ударной подводной лодки “SSN-AUKUS” для ВМС Великобритании и Австралии, основываясь на программе британской АПЛ (SSN(R) – модернизированная АПЛ, над которой Великобритания уже работает для замены своих подводных лодок класса “Astute”). Головная британская АПЛ SSN-AUKUS должна быть введена в строй в конце 2030-х годов. Австралийский вариант лодок SSN-AUKUS будет отличаться от британского американской ядерной энергетической установкой.

³ Повысить показатели мощности вооружения путём интеграции науки, технологий, связанных с безопасностью и обороной, сосредоточенных на кибервозможностях, ИИ, квантовых технологиях и дополнительных подводных возможностях (в том числе в рамках совместной ядерной программы с США).

Это полномасштабное военно-технологическое сотрудничество, которое соединяется с сильными сторонами Великобритании – в киберпространстве, науке и технологиях, которые определены основой для будущего развития экономической, технологической и военной мощи Лондона.

Заключение

Обобщая всё вышеизложенное, можно сказать, что коренное изменение в стратегическом мышлении США в отношении расширения возможностей своих союзников, перераспределения своих сил вокруг Азиатско-Тихоокеанского региона и улучшения интеграции своих союзников в собственные цепочки поставок и промышленное планирование качественно реконструирует подход Вашингтона в его военно-блоковой политике в АТР.

Созданная Соединёнными Штатами модель альянсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как и прежде, определяет главный инструмент в политике утверждения гегемонии США. Но сложившаяся со второй половины XX века система союзов требовала серьёзных изменений и качественной модернизации, так как существующие издержки реализации данного подхода не обеспечивали стратегическую выгоду для США в полной мере и, более того, иллюстрировали низкую эффективность в формирующихся военно-политических условиях в регионе, не обеспечивая эквивалентного ответа на современные угрозы и вызовы со стороны новых региональных лидеров – КНР.

Интерес в создании нового стратегического партнёрства AUKUS мотивирован более практически ориентированным подходом США в обеспечении собственного влияния в АТР путём качественного снижения экономических издержек и перераспределения имеющихся военно-технологических ресурсов для увеличения «геополитической прибыли».

Повестка дня AUKUS, которая включает программу атомных подводных лодок, а также развитие ряда наукоёмких направлений сотрудничества в оборонной сфере участников альянса (искусственный интеллект, кибернетика, квантовые технологии и подводные технологии (помимо подводных лодок)), определяет решающее значение для трёх стран-участниц в концепции нового оборонного союза, который призван не только обеспечить военное присутствие США и Великобритании в регионе на несколько десятилетий вперед, но и качественно улучшить показатели геополитической выгоды стран, а также снизить экономические и военно-политические издержки в условиях конфронтационной стагнации между США и их союзниками и Китаем в АТР.

Список источников

1. Joint leaders statement on AUKUS // The White House. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/>
2. The AUKUS nuclear-powered submarine pathway // Australian Government. 2023. URL: <https://www.asa.gov.au/aukus>
3. Trends in world military expenditure // SIPRI Fact Sheet. April, 2022. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf
4. Military strength ranking. 2023. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>
5. Trends in international arms transfers // SIPRI Fact Sheet. March 2023. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf
6. Obama B. Remarks by President Obama to the Australian Parliament. The White House Office of the Press Secretary, November 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament>
7. Remarks Hillary Rodham Clinton secretary of State East-West Center. U.S. Department of State, November 2011. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm>
8. Iordan C. The Transatlantic relation in times of Multipolarity: European Security Implications // The Quarterly Journal. 2013. Vol. 13. № 1. P. 13–40. DOI: <https://doi.org/10.11610/Connections.13.1.02>
9. Пале С. Е. Закат «Тихоокеанской державы»: США стремительно теряют вес в Океании // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 36. С. 58–68. EDN: YSUWZB
10. Kaplan R. Asia's Cauldron: The South China sea and the end of a stable Pacific. New York: Random House Trade Paperbacks, 2015. 256 p.
11. Фролов А. В. Политика США в меняющемся мире // Международная жизнь. 2015. № 11. С. 5–26.
12. Автономов В. С. Австрийская школа и её представители // Австрийская школа в политической экономике: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. 492 с.
13. Denmark A. M. U.S. strategy in the Asian century: Empowering allies and partners. New York: Columbia University Press, 2020. 336 p. DOI: <https://doi.org/10.7312/denm19764>
14. Мартынова Е. С. Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 15 (3). С. 148–165. DOI: <https://doi.org/1031249/kgf/20220309>

15. Walt S. Alliance formation and the balance of world power // *International Security*. 1985. Vol. 9, no. 4. P. 3–43. DOI: <https://doi.org/10.2307/2538540>
16. Shambaugh D. Where great powers meet: America and China in Southeast Asia. New York: Oxford University Press, 2020. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190914974.001.0001>
17. Ikenberry G. From hegemony to the balance of power: The rise of China and American grand strategy in East Asia // *International Journal of Korean Unification Studies*. 2014. Vol. 23, no. 2. P. 41–63.
18. Zhen Han, Paul T. V. China's rise and balance of power politics // *The Chinese Journal of International Politics*. 2020. Vol. 13, no. 1. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poz018>
19. Reilly M., Chun-Yi L. A new beginning or more of the same? Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. 288 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-15-9841-8>
20. Лукин А. Л., Коротич С. А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 4. С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15>.
21. 张翔,王联合. 美国对其亚太同盟的"逆向搭便车". *国际展望*, 2023, 第19–43页. DOI: <https://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202302003>. Чжан Сян, Ван Ляньхэ. Соединенные Штаты «автостопом в обратном направлении» развивают свой Азиатско-Тихоокеанский альянс // *Международное обозрение*. 2023. № 15 (2). С. 19–43.
22. 吴昊,张景全. 霸权护持视角下美国"印太同盟体系"的建构动因与战略举措. *印度洋经济体研究*, 2022, 第84-100页. DOI: <https://doi.org/10.16717/j.cnki.53-1227/f.2022.06.005>. У Хао, Чжан Цзинцюань. Мотивы и стратегические меры по созданию американской «системы Индо-Тихоокеанского альянса» с точки зрения защиты гегемонии // *Исследование экономики Индийского океана*. 2022. № 6. С. 84–100.
23. Manicom J., O'Neil A. China's rise and middle power democracies: Canada and Australia Compared // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2012. Vol. 12, no.2. P. 199–228. DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lcs002>
24. The National Security Strategy of the United States of America 2017. Historical Office of the Secretary of Defense. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf>
25. Le Billon, P., El Khatib, F. From free oil to “freedom oil”: terrorism, war and U.S. Geopolitics in the Persian Gulf // *Geopolitics*. 2004. Vol. 9, no.1. P. 109–137.
26. FACT SHEET: Trilateral Australia-UK-US partnership on nuclear-powered submarines // The White House. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing->

room/statements-releases/2023/03/13/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines/.

27. Annual report to Congress. Military and security developments involving the People's Republic of China // The Office of the Secretary of Defense (OSD). 2020. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF>

28. Remarks by President Biden, Prime Minister Albanese of Australia, and Prime Minister Sunak of the United Kingdom on the AUKUS partnership // The White House. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/03/13/remarks-by-president-biden-prime-minister-albanese-of-australia-and-prime-minister-sunak-of-the-united-kingdom-on-the-aukus-partnership/>

29. Commonwealth of Australia, defence strategic update // Australian Government. Department of Defence, July 2020. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2020-defence-strategic-update>

30. Wood S. The Chinese Communist Party and the COVID-19 Pandemic: face loss, status anxiety, resentment // Global Society. 2023. Vol. 37, no. 2. P. 245–265. DOI: <https://doi.org/10.1080/13600826.2022.2098701>

31. National defence: defence strategic review / Australian Government. 2023. URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review>

32. The US-Japan-India-Australia quadrilateral security dialogue. Finnish Institute of International Affairs (FIIA). May, 2018. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2018/05/bp239_quad.pdf

33. America's Pacific Island allies: The freely associated states and Chinese influence // RAND Corporation. 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2973.html

34. Doshi R. The long game: China's grand strategy to displace American order (Bridging the gap). New York: Oxford University Press, 2021. 432 p.

35. Australia insists WHO inquiry into Covid origin must be robust, despite China tensions // The Guardian. 2020. December 28. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/29/australia-insists-who-inquiry-into-covid-origin-must-be-robust-despite-china-tensions>

36. Becker S., Fetzer T., Novy D. Erratum to: Who voted for Brexit? A comprehensive district-level analysis // Economic Policy. 2018. Vol. 33, no. 93. P. 179–180. DOI: <https://doi.org/10.1093/epolic/eix017>

37. Fetzer T. Did austerity cause Brexit? // American Economic Review. 2019. Vol. 109, no. 11. P. 3849–3886. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.20181164>

38. Global Britain: delivering on our international ambition, Last updated. Foreign and Commonwealth Office and Foreign, Commonwealth and Development Office. September 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/global-britain-delivering-on-our-international-ambition#full-publication-update-history>

39. Sampson T. Brexit: The economics of international disintegration // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31, no. 4. pp. 163–184. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.31.4.163>
40. Carter A., Swinney P. Brexit and the future of the UK's unbalanced economic geography // *The Political Quarterly*. 2019. Vol. 9. P. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12649>
41. The UK and the comprehensive and progressive agreement for Trans-Pacific partnership (CPTPP) // GOV.UK. 2023. March 31. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/the-uk-and-the-comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnershipcptpp#full-publication-update-history>
42. AUKUS, a golden opportunity for “Global Britain”? / Institut Montaigne. September 2021. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/aukus-golden-opportunity-global-britain>
43. AUKUS and the future of UK foreign policy. The British foreign policy group (BFPG). March 2023. URL: <https://bfpg.co.uk/2023/03/aukus-future-of-uk-foreign-policy/>
44. Baylis J. The 1958 Anglo-American mutual defence agreement: The search for nuclear interdependence // *The Journal of Strategic Studies*. 2008. Vol. 31, no. 3. P. 425–466. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402390802024726>
45. UK ramps up defense spending by \$6 billion ahead of key AUKUS submarine announcement // CNN. 2023. March 13. URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/13/europe/uk-defense-spending-aukus-intl-hnk/index.html>

References

1. Joint leaders statement on AUKUS. *The White House*. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/>
2. The AUKUS nuclear-powered submarine pathway. *Australian Government*. 2023. URL: <https://www.asa.gov.au/aukus>
3. Trends in world military expenditure. *SIPRI Fact Sheet*. April, 2022. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf
4. Military strength ranking. 2023. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>
5. Trends in international arms transfers. *SIPRI Fact Sheet*. March 2023. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-03/2303_at_fact_sheet_2022_v2.pdf
6. Obama B. Remarks by President Obama to the Australian Parliament. The White House Office of the Press Secretary, November 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament>

7. Remarks Hillary Rodham Clinton Secretary of State East-West Center. U.S. Department of State, November 2011. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm>
8. Iordan C. The Transatlantic relation in times of Multipolarity: European Security Implications. *The Quarterly Journal*, 2013, vol. 13, no. 1, pp. 13–40. DOI: <https://doi.org/10.11610/Connections.13.1.02>
9. Pale S. E. Zakat “Tihookeanskoj derzhavy”: SSHA stremitel'no teryayut ves v Okeanii. [The decline of the "Pacific power": the US quickly lose their weight in Oceania]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2017, no. 36, pp. 58–68.
10. Kaplan R. Asia's Cauldron: The South China sea and the end of a stable Pacific. New York: Random House Trade Paperbacks, 2015. 256 p.
11. Frolov A. V. Politika SSHA v menyayushchemsya mire [US policy in a changing world]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2015, no. 11, pp. 5–26.
12. Avtonomov V. S. Avstrijskaya shkola i eyo predstaviteli [The Austrian school and its representatives]. *Avstrijskaya shkola v politicheskoy ekonomii: K. Menger, E. Byom-Baverk, F. Vizer*. Moscow: Ekonomika Publ., 1992. 492 p.
13. Denmark A. M. U.S. strategy in the Asian century: Empowering allies and partners. New York: Columbia University Press, 2020. 336 p. DOI: <https://doi.org/10.7312/denm19764>
14. Martynova E. S. Al'yansy QUAD i AUKUS i balans sil v Aziatsko-Tihookeanskom regione: perspektivy dlya Rossii, Kitaya i ASEAN [QUAD and AUKUS and the balance of power in the Asia-Pacific Region: prospects for Russia, China and ASEAN]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 2022, no. 15(3), pp. 148–165. DOI: <https://doi.org/1031249/kgf/20220309>
15. Walt S. Alliance formation and the balance of world power. *International Security*, 1985, vol. 9, no. 4, pp. 3–43. DOI: <https://doi.org/10.2307/2538540>
16. Shambaugh D. Where great powers meet: America and China in Southeast Asia. New York: Oxford University Press, 2020. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190914974.001.0001>
17. Ikenberry G. From hegemony to the balance of power: The rise of China and American grand strategy in East Asia. *International Journal of Korean Unification Studies*, 2014, vol. 23, no. 2, pp. 41–63.
18. Zhen Han, Paul T. V. China's rise and balance of power politics. *The Chinese Journal of International Politics*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poz018>
19. Reilly M., Chun-Yi L. A new beginning or more of the same? Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. 288 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-15-9841-8>
20. Lukin A. L., Korotich S. A. Mezhd u Vashingtonom i Pekinom: chto zhdet aziatsko-tihookeanskije al'yansy SSHA? [Between Washington and Beijing: What's next

for US Asia-Pacific alliances]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, no. 61 (4), pp. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15>

21. Zhang Xiang, Wang Lianhe. America's "Reverse Free Riding" to its Asia-Pacific Alliance. *International Outlook*, 2023, no. 15 (2), pp. 19–43. DOI: <https://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202302003> (In Chin.).

22. Wu Hao, Zhang Jingquan. The construction motives and strategic measures of the U.S. "Indo-Pacific Alliance System" from the perspective of hegemony protection. *Research on Indian Ocean Economies*, 2022, no. 6, pp. 84–100. DOI: <https://doi.org/10.16717/j.cnki.53-1227/f.2022.06.005> (In Chin.).

23. Manicom J., O'Neil A. China's rise and middle power democracies: Canada and Australia Compared. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 199–228. DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lcs002>

24. The National Security Strategy of the United States of America 2017. Historical Office of the Secretary of Defense. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf?ver=CnFwURw09pJ0q5EogFpwg%3d%3d>

25. Le Billon P., El Khatib F. From free oil to "freedom oil": terrorism, war and U.S. Geopolitics in the Persian Gulf. *Geopolitics*, 2004, vol. 9, no. 1, pp. 109–137.

26. FACT SHEET: Trilateral Australia-UK-US partnership on nuclear-powered submarines. *The White House*. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/state-ments-releases/2023/03/13/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines/>

27. Annual report to Congress. Military and security developments involving the People's Republic of China. *The Office of the Secretary of Defense (OSD)*. 2020. URL: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF>

28. Remarks by President Biden, Prime Minister Albanese of Australia, and Prime Minister Sunak of the United Kingdom on the AUKUS partnership. *The White House*. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/03/13/remarks-by-president-biden-prime-minister-albanese-of-australia-and-prime-minister-sunak-of-the-united-kingdom-on-the-aukus-partnership/>

29. Commonwealth of Australia, defence strategic update. *Australian Government. Department of Defence*, July 2020. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/2020-defence-strategic-update>

30. Wood S. The Chinese Communist Party and the COVID-19 Pandemic: face loss, status anxiety, resentment. *Global Society*, 2023, vol. 37, no. 2, pp. 245–265. DOI: <https://doi.org/10.1080/13600826.2022.2098701>

31. National defence: defence strategic review. *Australian Government*. 2023. URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review>

32. The US-Japan-India-Australia quadrilateral security dialogue. *Finnish Institute of International Affairs (FIIA)*. May, 2018. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2018/05/bp239_quad.pdf
33. America's Pacific Island allies: The freely associated states and Chinese influence. *RAND Corporation*. 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2973.html
34. Doshi R. The long game: China's grand strategy to displace American order (Bridging the gap). New York: Oxford University Press, 2021. 432 p.
35. Australia insists WHO inquiry into Covid origin must be robust, despite China tensions. *The Guardian*. 2020. December 28. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/29/australia-insists-who-inquiry-into-covid-origin-must-be-robust-despite-china-tensions>
36. Becker S., Fetzer T., Novy D. Erratum to: Who voted for Brexit? A comprehensive district-level analysis. *Economic Policy*, 2018, vol. 33, no. 93, pp. 179–180. DOI: <https://doi.org/10.1093/epolic/eix017>
37. Fetzer T. Did austerity cause Brexit? *American Economic Review*, 2019, vol. 109, no. 11, pp. 3849–3886. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.20181164>
38. Global Britain: delivering on our international ambition, Last updated. Foreign and Commonwealth Office and Foreign, Commonwealth and Development Office. September 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/global-britain-delivering-on-our-international-ambition#full-publication-update-history>
39. Sampson T. Brexit: The economics of international disintegration. *Journal of Economic Perspectives*, 2017, vol. 31, no. 4, pp. 163–184. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.31.4.163>
40. Carter A., Swinney P. Brexit and the future of the UK's unbalanced economic geography. *The Political Quarterly*, 2019, vol. 9, pp. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12649>
41. The UK and the comprehensive and progressive agreement for Trans-Pacific partnership (CPTPP). *GOV.UK*. 2023. March 31. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/the-uk-and-the-comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnershipcptpp#full-publication-update-history>
42. AUKUS, a golden opportunity for “Global Britain”? *Institut Montaigne*. September 2021. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/aukus-golden-opportunity-global-britain>
43. AUKUS and the future of UK foreign policy. *The British foreign policy group (BFPG)*. March 2023. URL: <https://bfpg.co.uk/2023/03/aukus-future-of-uk-foreign-policy/>
44. Baylis J. The 1958 Anglo-American mutual defence agreement: The search for nuclear interdependence. *The Journal of Strategic Studies*, 2008, vol. 31, no. 3, pp. 425–466. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402390802024726>

45. UK ramps up defense spending by \$6 billion ahead of key AUKUS submarine announcement. *CNN*. 2023. March 13. URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/13/europe/uk-defense-spending-aucus-intl-hnk/index.html>

Информация об авторах / Information about the authors

Т.С. Чернева – соискатель учёной степени кандидата политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация),

✉ tatyana.cherneva6@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-6107-2074>

T.S. Cherneva – Candidate for the Degree of Candidate of Political Sciences, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 03.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.05.2025;

принята к публикации / accepted 07.05.2025.